

В. С. КОРЯКИН

Пири против Кука

*Полярный детектив
длиною в столетие*

Paulsen
Москва 2022

УДК 910.4
ББК 84
К709

Корякин В. С.

К709 Пири против Кука. Полярный детектив длиной в столетие. –
М.: Паулсен, 2022. – 248 с.: илл. 37, карта.

В книге использованы фотографии из собрания Библиотеки Конгресса США, Ф. Кука, Р. Пири.

ISBN 978-5-98797-330-1

Кто был первым на Северном полюсе? Пири или Кук? Сегодня ученые практически доказали, что ни один из них так и не дошел до заветной цели.

Однако всё было не так очевидно чуть более 100 лет назад. Роберт Пири присвоил себе победу. Насколько правомерно? Как ему это удалось? Почему сегодня мы убеждены в том, что его приоритет в достижении макушки Земли был не более чем фикцией?

Много вопросов, на которые автор книги, доктор географических наук Владислав Сергеевич Корякин, предлагает свои ответы.

ISBN 978-5-98797-330-1

© В. С. Корякин, 2018
© ООО «Паулсен», 2022

Содержание

<i>От автора</i>	5
ГЛАВА 1	
Два полярника	9
ГЛАВА 2	
1886. Первые шаги Пири на пути к цели.....	17
ГЛАВА 3	
1891–1895. Встреча героев и последующие приключения Пири	23
ГЛАВА 4	
1897–1899. Кук спасает первую антарктическую зимовку.....	45
ГЛАВА 5	
Предшественники Кука и Пири на американском пути к полюсу.....	62
ГЛАВА 6	
1898–1902. Пири на дальних подступах к цели	67
ГЛАВА 7	
Кук в горах Аляски.....	81
ГЛАВА 8	
1905–1906. Самое загадочное путешествие Пири	90
ГЛАВА 9	
1907–1908. Кук выходит на исходный рубеж.....	107
ГЛАВА 10	
1908. Кук на полюсе.....	122
ГЛАВА 11	
1908–1909. Возвращение наперегонки со смертью.....	141
ГЛАВА 12	
1909. Пири на полюсе. Кто не успел, тот опоздал.....	162
ГЛАВА 13	
Когда история становится детективом.....	188
ГЛАВА 14	
Льды и судьбы	214
ГЛАВА 15	
Вердикт времени – а Кук-то был прав!.....	231
<i>Источники</i>	247

От автора

Впервые о конфликте между двумя полярными исследователями – претендентами на первенство в достижении Северного полюса – американцами Фредериком Альбертом Куком и Робертом Эдвином Пири автор узнал из книг об Арктике, вышедших в нашей стране в 30–40-е годы XX века в издательстве Главсевморпути. В ту пору роль Кука в советской литературе трактовалась однозначно: обманом и фальсификацией он пытался утвердить свое первенство в достижении Северного полюса. Поэтому и разбираться с ним желания у советских историков Арктики не было. Другое дело – Пири: отважный полярник положил на достижение цели почти четверть века и, претерпев массу неудач, все же добился своего. Не просто добрался до полюса, а вернулся обратно в тот же пункт на побережье, из которого вышел. Однако последнее утверждение выглядит почти невероятным: из-за дрейфа льда это практически невозможно. Чем не завязка для сугубо полярного детектива в истории изучения высоких широт?

Мое приобщение к означенному детективу произошло летом 1970 года. Отдыхая в Москве после зимовки в Антарктиде, я частенько обходил букинистические магазины. Один из таких маршрутов завершился у книжных развалов в Столешниковом переулке, когда мой сосед у книжного прилавка произнес обычную фразу: «Покажите вот эту...»

Дешевое дореволюционное издание в мягкой обложке, на вид – обычный читательский ширпотреб начала века. Но заголовок гласил: «Ф.-А. Кук и Р.-Э. Пири. Открытие таинственного полюса». Он-то и заставил меня совершить неприличный поступок – заглянуть через плечо соседа в страницы, которые тот листал как-то слишком лениво и неторопливо. И тут меня словно ударило током – текст от первого лица принадлежал не Пири (его воспоминания я изучил достаточно хорошо), и, следовательно, его автором мог быть только Кук!

Я боялся выдать свои мысли, которые в тот момент сводились к одному: если мой соперник знает, что он держит в руках, то купит книжку немедленно. Но с каждой минутой во мне крепла уверенность, что добыча достанется мне. Так и случилось...

Самый беглый просмотр еще в вагоне метро по дороге домой подтвердил: авторство текста действительно принадлежит Куку. Даже в переводе чувствовалось, что он написан в спешке и явно вскоре после событий в Арктике. Невольно я искал нестыковки, подтвердившие бы виновность Кука в подлоге и фальсификации, – и не находил. Причем не находил

к своему неудовольствию – устоявшееся мнение о Куке как о мошеннике оставило прочный след в моем сознании. Однако к тому времени я обладал 15-летним опытом в полярных делах, и каких-либо затруднений в трактовке описанных Куком событий у меня не возникало.

Встречались наивности, реже банальности, но такого, что могло бы указывать на подделку или фальсификацию, – определенно не было! Эта мысль крепла во мне с каждой страницей. Я внутренне сопротивлялся такому выводу, пытаюсь снова и снова отыскать ложь, о которой твердила знакомая мне литература. Что за чертовщина! Но если Кук все-таки не врет, то откуда возникло обвинение, каковы его причины?

Очевидно, следовало разобраться с самим Куком, среди сведений которого два направления выглядели наиболее перспективными. Первое – сам маршрут, второе – природная обстановка, описания которой должны повторяться на пути к полюсу и при возвращении, что само по себе обещало возможность сверить факты. Но и такой подход не выявил ничего, что могло бы навести на мысль о фальсификации. Разница в темпах движения на пути к цели и при возвращении в первом приближении лишь подтвердила реальность маршрутов обоих претендентов. Значит, если фальсификация и существовала, ее следовало искать в информации о природе. Но вот беда: более занудного экспедиционного отчета, чем описание полюсного маршрута Пири, я не припомню. Однако надо поблагодарить американскую прессу того времени. В поисках фактов (а еще чаще глупых обвинений) она парадоксальным образом способствовала сохранению изначального сюжета. Журналисты создали такое нагромождение немыслимых ситуаций и фантазий, что конфликт реальности с созданным ими миром рано или поздно потребовал бы разрешения.

Работа по отделению зерен истины от плевел напраслины была непростой. Тем удивительней оказались последующие выводы, ибо Кук описал многое из того, что стало известно об Арктике десятилетия спустя. Это было неожиданно и поразительно.

Остановлюсь только на самом главном. К началу XX века в науке прочно укрепилась точка зрения на существование в пределах географической оболочки природных систем разного уровня. Системы эти определяли взаимосвязи основных компонентов природной среды. Для Северного Ледовитого океана это означало соответствие форм, возраста и происхождения морских льдов определенным течениям в океане и атмосфере. По мере анализа выяснялось, что природные особенности Центрального арктического бассейна, где проходили маршруты Кука, определили многие события его похода.

Действительно, неверно рассчитав влияние дрейфа при возвращении с полюса (точнее, приняв на веру оценки своего предшественника

Пири), Кук со своими спутниками оказался в стороне от своего продовольственного склада, оставленного на суше, что поставило его на грань гибели. О том, как он выходил из создавшегося положения, будет рассказано ниже. Важно, что его ошибка была вызвана известными нам теперь причинами, о существовании которых сам Кук и не подозревал. В соответствии с природными реалиями события не могли развиваться иначе! Примеров подобного рода, подтверждающих правдивость отчета, у Кука оказалось достаточно много.

Например, подвижки дрейфующих льдов по его маршруту приходятся на участки с наиболее интенсивными течениями, характерные дрейфующие ледяные острова оказались именно в полосе таких течений, участки шельфовых ледников со своеобразной волнистой поверхностью, по Куку, располагались именно там, где полсотни лет спустя эти ледники были обнаружены на аэроснимках, и т. д.

Спустя год достижение было повторено Пири, который, при возвращении обнаружив утрату первенства, обрушился на своего соперника с обвинениями в фальсификации самого полюсного маршрута и результатов наблюдений. Случился грандиозный скандал, из которого Кук вышел проигравшим, – но получается, что основой конфликта стало лишь тщеславие его соперника...

Подобное открытие ставило на повестку дня множество вопросов. Какими критериями руководствуются научное сообщество и общество в целом для оценки достижений исследователей, работающих на границе с неизвестным? Может ли общество оценить достижения исследователя? Наконец, всегда ли первопроходец предпочитает научную истину известности и славе? Желая ответить на эти вопросы, я начал работу над текстами Кука и не сомневался в необходимости подобной работы. Как отнесутся к ее результатам мои коллеги, я не загадывал...

Первоначально наши специалисты в своих выводах ссылались на результаты иностранных исследователей, что вызывало определенное недоумение. Разве в архивах Арктического института в Ленинграде не было достаточного количества материалов, позволяющих самим сравнить наблюдения Кука и современные представления об Арктике?

Для меня в ту пору главным оказалось то, что все записи Кука в издании, которое мне посчастливилось приобрести у букинистов, в большинстве случаев совпадали с результатами современных инструментальных исследований. Однако основная книга Ф. Кука *My Attainment of the Pole* («Мое обретение полюса») оказалась библиографической редкостью. Когда я все-таки нашел ее, мои первоначальные выводы полностью подтвердились. Оставалось поделиться результатами собственного

открытия с коллегами-полярниками, рассчитывая на определенное понимание.

Однако в этом деле обозначились неожиданные трудности. Я обратился в известный научно-популярный ежегодник, но разговор с самого начала приобрел странный характер: в учебнике сказано, что Северный полюс открыл Пири. «Вы намерены оспаривать учебник?» – спросили меня в редакции.

Разумеется, учебник – та самая печка, от которой начинается любой танец. Однако даже на протяжении моей жизни учебники переписывались не однажды. Мою статью с обозначившейся проблемой читали пять рецензентов вместо обычных трех. Было ясно, что тема заинтересовала издательство, но... В конце концов статью мне вернули, а я, со ссылкой на молодость и неопытность, «выцыганил» рецензии. Оказалось, что три вполне положительные, одна, что называется, ни так ни сяк... Зато пятая заканчивалась ссылкой на финал крыловской басни о слоне и москье. На какой-то момент я испытал чувство нокдауна. Еще раз, внимательней, прочитав последнюю рецензию, я понял, что ее создатель не высказал ни единой претензии по сути. Нокдаун, полученный вовремя, – это хорошо. По совету старого полярника Б. А. Кремера я отнес свой материал в академический журнал «Природа», где он и вышел в свет с заключением академика К. К. Маркова – «Печатать как дискуссионный». Таким стало для меня первое приближение к проблеме.

Дальше – больше... Оказалось, что ссылки на Кука встречаются нередко, особенно в англоязычной литературе. Для меня решающим стало заключение начальника первой американской дрейфующей станции на ледяном острове Т-3 полковника Джозефа Флетчера, о котором подробнее речь пойдет ниже.

Конфликт среди полярных исследователей в связи с событиями вокруг достижения полюса оказался совсем не рядовым явлением и вышел далеко за рамки чисто научной дискуссии. В обществе возникли серьезные сомнения в том, что исследователь не может предпочесть истину личному успеху. Я тогда не догадывался, что подступил к вечной теме о грани, отделяющей творческий поиск от элементарного утверждения собственного я и стремления стяжать славу.

Тема «Кук или Пири?» для меня постепенно обретала характер детектива, в котором были и очевидный обман, и торжество истины, а также свои гении и злодеи.

Именно такой естественным образом сложившийся детективный подход и был положен автором в основу книги, которую вы держите в руках.

Два полярника

*Мы старины картины воскресим
В живых героях. Вот они пред нами
В день славы, окруженные друзьями!
Но дальше, посмотрите, в миг один
Герои в бездну рушатся с вершин.*

В. Шекспир. Король Генрих VIII*

Фредерик Альберт Кук родился 10 июня 1865 года в деревушке Хортонвилль графства Салливен, в самой глубинке штата Нью-Йорк, у подножия лесистых гор Кэтскилл – там, где они переходят в Аппалачское плато, на левобережье реки Делавар. Его отец Теодор А. Кох был немецким эмигрантом с врачебным дипломом, перебравшимся за океан после революции 1848 года из Ганновера. Когда спустя полтора десятка лет в Соединенных Штатах разразилась гражданская война, он вступил в Федеральную армию – и все четыре военных года работы ему хватало.

Мать будущего полярного исследователя, урожденная Маргарет Ланге, оказалась на американской земле вместе со своими родителями, покинувшими Франкфурт-на-Майне и первоначально осевшими в Нью-Йорке, где ее отец занялся сигарным бизнесом. На западе штата Нью-Йорк семейство Ланге оказалось, видимо, не от хорошей жизни.

Здесь-то и повстречал недавний военный врач молодую немку, чтобы вместе с ней осесть в деревушке Джефферсонвилль. На карте она находится милях в 40 к западу от среднего течения реки Гудзон. Даже в наши дни карта свидетельствует, что вся деловая жизнь обходит эту глубинку стороной: здесь меньше дорог, не встречаются крупные города, да и вообще мало жителей.

Вскоре после свадьбы молодые сменили немецкую фамилию Кох на американскую Кук, а в 1870 году Теодор Кук ушел из жизни, оставив вдову с четырьмя детьми. Еще один ребенок в семействе Кук умер при жизни отца. После смерти главы семейства во владении семьи осталась небольшая ферма с 15 гектарами пахотной земли. Герой этой книги

---

* Пер. Б. Томашевского.

Фредерик Кук был четвертым ребенком, моложе его была только сестра Лилиан.

Спустя восемь лет после смерти мужа Маргарет Кук пришлось перебраться в Порт-Джервис, ниже по Делавэру, где легче было устроиться на работу подрастающей молодежи, а еще через год и в сам Нью-Йорк. В изданиях рубежа XIX и XX веков особо подчеркивалось, что Нью-Йорк «обязан своим господством в культурной и экономической жизни Америки самым очевидным образом своему чрезвычайно благоприятному положению, облегчившему сношения как с внеамериканскими землями, так и с обширной территорией, раскидывающейся за ним. ...Нью-Йорк к тому же располагал в своей широкой, глубокой и хорошо защищенной с моря бухте лучшей естественной гаванью на всем востоке Соединенных Штатов» (Декерт, с. 229*).

Открытость морских путей из Нью-Йорка во все концы света, включая полярные моря обоих полушарий, здесь отмечена не случайно – не даром с этим городом связаны имена таких полярных исследователей, как Джордж Де Лонг и Роберт Пири, служивших на здешней военно-морской базе. Отсюда уходили в ледяные просторы экспедиции Элиша Кэна, Чарльза Холла, Адольфа Грили и многих других известных мореплавателей.

Перебравшись в Большой Нью-Йорк, семейство Кук обосновалось в самом его сердце – в Бруклине, который был тогда «только исполинским гаваньским, фабричным и обывательским кварталом Нью-Йорка» с населением, превышавшим миллион человек.

Первое время Маргарет Кук зарабатывала на жизнь в качестве швеи, а ее дети – любой работой, за которую платили. Фред одно время подвизался на стекольной фабрике, позже был разнорабочим в местной администрации по освещению улиц. Молодой парень уже тогда демонстрировал неординарный ум. Зимой 1888 года на Нью-Йорк обрушилась самая настоящая пурга, парализовавшая городской транспорт. Фред взялся за доставку угля, в котором отчаянно нуждались горожане. Он загружал лодку, а затем бечевой с помощью лошади тащил ее вдоль берега, обеспечивая углем стосковавшихся по теплу бруклинцев, которые щедро расплачивались с ним за работу. Одно время Фред торговал овощами и зеленью на Фултоновском рынке. Потом три брата – Уилл, Теодор и сам Фред – основали предприятие с громким названием «Молочная компания братьев Кук». В итоге заработанных денег Фреду хватало, чтобы оплатить учебу в 1885–1886 годах во Врачебно-хирургическом

---

* Здесь и далее источники даются в сокращенном варианте, полное наименование см. в списке источников на с. 247.

Фредерик Кук

колледже, куда он поступил по окончании вечерней школы. В ту пору он намеревался пойти по стопам отца, благо в Соединенных Штатах профессия врача не только уважаемая, но и хорошо оплачиваемая.

Позднее Фредерик Кук продолжил образование в Медицинском колледже Колумбийского университета. Жизнь в студенческие годы не баловала его – с часа ночи и до семи утра молодой человек развозил молоко своей клиентуре, а к девяти спешил на занятия в колледже, заканчивавшиеся в 16 часов. Все, что оставалось от суток, уходило на дорогу и сон. И так – до 1890 года, когда он получил заветный диплом. В полном смысле Кук стал *selfmade man* – человеком, который сделал себя сам. В это время он женился на Либби Форбс, которая умерла при родах вместе с младенцем.

Кук вскоре обзавелся собственной практикой в ставшем родным Бруклине. Примерно в те же годы он заразился пресловутым «арктическим микробом», когда на глаза ему попался затертый томик под названием «Путешествия и открытия второй Гринельской экспедиции в северные полярные страны для отыскания сэра Джона Франклина, совершенной в 1853, 1854 и 1855 годах под начальством доктора Кэна». Книга эта самым решительным образом изменила жизнь Кука.

В обществе целого ряда наиболее развитых стран еще на рубеже XIX и XX веков сложилась своеобразная мода на Арктику, которая по объективным причинам, то затухая, то разгораясь, сохраняется и поныне. Совершенно заслуженно Арктика считалась местом, где человек может испытать себя и проявить свои лучшие качества, моральные и физические.

Столетие назад среди полярников было немало представителей самых известных фамилий европейской аристократии: лорд Дюфферин (в 1858 году побывал на Ян-Майене и Шпицбергене), отпрыски Орлеанского дома (в 1907 году – на Новой Земле), обладатели герцогских титулов из Бурбонов и Браганцы (в 1891–1892 годах – на Шпицбергене и Новой Земле), не говоря уже о представителях Савойской династии – знаменитом полярнике герцоге Абрुццком, посетившем Землю Франца-Иосифа в 1899–1900 годах.

Среди молодых американцев, особенно со средствами, также считалось признаком хорошего тона поохотиться на морского зверя или мускусных быков за полярным кругом, а то и провести полярную ночь в обществе эскимосов вдаль от привычного городского комфорта. Память о трагической судьбе экспедиции Джона Франклина, погибшей в 50-е годы XIX века на севере Канады, как и участь зимовочной экспедиции Грили, от которой уцелела только треть участников, лишь щекотала нервы любителям приключений. Известнейший поэт того времени

Редьярд Киплинг стремление многих чересчур активных людей своего времени сформулировал так:

*...Нам хотелось не клубных обедов,
А пойти, и открыть, и пропасть.*

Однако Фредерик Кук в молодости никак не связывал свою судьбу с деятельностью в высоких широтах. В белое безмолвие Арктики бруклинского доктора привел человек, оказавшийся впоследствии его злейшим и непримиримым врагом на всю оставшуюся жизнь. Его звали Роберт Эдвин Пири, и он был гражданским инженером-изыскателем на службе Военно-морского флота США. История Арктики стянула их судьбы в единый узел, распутать который специалисты-историки пытаются на протяжении века.

Роберт Эдвин Пири родился 6 мая 1856 года в городке Крессон-Спринг (штат Пенсильвания), поблизости от тех же мест, где появился на свет Кук; на этом сходство судеб двух людей заканчивается. Ни один из его родичей не посещал колледжа, хотя прабабка Марта Бичем могла похвастаться родством с английской аристократией. По отцовской линии у будущего претендента на первенство в достижении полюса преобладали предприниматели из Новой Англии, отличавшиеся завидным практицизмом и жизненной хваткой. Их бизнесом было изготовление бочкотары для патоки и рома, производимых в Вест-Индии.

Слабая здоровьем, меланхоличная мать, целиком переключившись на воспитание единственного ребенка, сумела привить ему стремление к первенству всегда и во всем, опекая его и не жалея оставшихся сил и средств. Опека была настолько плотной, что мать даже последовала за сыном летом 1873 года в Боуден-колледж в Брунsvике (штат Мэн), в университет. Преподаватели колледжа в то время отмечали определенную замкнутость их воспитанника, погруженность в собственные переживания, некоторые трудности в отношениях со сверстниками – качества, присущие интроверту, что не мешало молодому Пири претендовать на лидерство в среде однокашников. Иногда Берг баловался стихами, в которых звучала странная смесь тоски по какой-то иной жизни и затаенных амбиций.

Пири, однако, вскоре убедился, что «полевые рекогносцировки в связи со строительством железных дорог» не приносят ему удовлетворения. По мнению Херберта (1972), Пири при самом благоприятном развитии событий мог стать лишь уважаемым мировым судьей или провинциальным землевладельцем. Шанс вырваться из глубинки появился

Роберт Пири

у него при поступлении в Береговую и геодезическую службу США, располагавшуюся в Вашингтоне, с окладом в 40 долларов (что примерно соответствует 650 долларам в наши дни) в месяц. Однако дело было не в деньгах. В дневнике Пири появилась характерная запись: «С прошлым покончено, да здравствует будущее!» Но уже спустя несколько месяцев эта работа показалась ему занудной и стала надоедать с каждым месяцем все сильнее и сильнее. В условиях сугубо кабинетной деятельности его мысли все чаще обращались к открывателям новых земель и миров – Колумбу, Кортесу, Бальбоа и другим знаменитостям, пока однажды в письмах к матери не сфокусировались на конкретной цели: «Я хотел бы снискать имя, которое стало бы «сезам, откройся» для культурного и избранного круга... в котором бы я ощущал себя наравне с каждым». Не больше и не меньше... В другом письме к матери он поделился своими невеселыми размышлениями: «Мне 24 года, а что сделано? Ничего...», одновременно опасаясь, что его имя останется не на страницах истории, а лишь в платежных ведомостях бухгалтерии.

Работа изыскателя связана с посещением новых мест. По пути в Никарагуа на изыскания места для канала ему довелось посетить остров Уайтлинг, первую сушу, на которую ступил Колумб в Западном полушарии. Созерцание острова разбудило в его сознании мысль – вот, оказывается, чего ему не хватало! Работа в джунглях Никарагуа в составе небольшого отряда пришлось в основном на первый квартал 1885 года. Среди помощников Пири оказался мулат Мэтью Хэнсон, невысокий круглолицый крепыш, моложе босса на 10 лет, отличавшийся выносливостью, надежностью и смекалкой. Свои впечатления от работы в тропиках Пири в очередном послании к родительнице изложил так: «...с трудом дотащились до лагеря. Люди шли вброд по воде и волокли за собой лодки, я вкалывал вместе с ними, орал на них, потом раздал им, вымокшим и уставшим от 10-часовой работы, джин, и в лагере до самого утра было шумно...» С заданием изыскателя управились в три месяца, сократив протяженность трассы на 17 миль (каждая миля обходилась по смете в миллион долларов), но намеченный вариант так и остался на бумаге. В глазах начальства Пири предстал достойным работником.

Спустя три месяца Пири вернулся в Штаты на рутинную обработку полевых материалов, но вскоре его мысли потекли совсем в ином направлении. «Я предлагаю пользоваться проливом Смита еще дальше, чем от бухты Благодарения Господня... Отдадим англичанам, немцам и австрийцам Шпицберген и Землю Франца-Иосифа, как и другие направления, а сами воспользуемся проливом Смита».

Работа в Никарагуа сопровождалась разлукой с Жозефиной Дибич, дочкой профессора Смитсоновского университета, к которой Пири

испытывал приязнь, не оставшуюся без взаимности. Но, поскольку в эпоху, предшествующую сексуальной революции, подобные отношения развивались без излишней спешки, свадьбой роман завершился лишь в 1886 году.

Приступив к теме соперничества Кука и Пири, сопоставляя достижения обоих, автор делает неожиданный вывод: на протяжении всех своих экспедиций Пири неизменно терпел неудачу. Куку же каждый раз определенно сопутствовал успех, причем в самых неблагоприятных обстоятельствах. Что ж, в собственной экспедиционной практике в Арктике автор неоднократно встречался с людьми, за которыми закрепилась слава успешных или невезучих, но каждый раз за этим скрывались вполне конкретные причины. Однако в любом случае надо было начинать с оценки результативности обоих полярников, выделяя те черты, которые в будущем привели к конфликту между ними.

1886. Первые шаги Пири на пути к цели

Лиха беда начало...

Русская народная поговорка

«Мне попалась беглая заметка о внутреннем льде Гренландии, – позднее вспоминал Пири. – Струна, интенсивно вибрировавшая во мне при чтении в детстве удивительной книги Кэна, была снова затронута. Я прочел все, что мог найти относительно этого предмета, заметив противоречие в рассказах Норденшельда, Йенсена и других, и почувствовал, что я должен был сам посмотреть, что было истинного относительно этой великой, таинственной внутренней.

Результатом было мое летнее путешествие в Гренландию в 1886 году и исследование внутреннего льда» (Пири, 1906, с. 6). При этом важно, что именно понимал Пири под словом «исследование». Сам А. Э. Норденшельд в 1883 году из района Эгедесминде за 18 дней смог пройти по ледниковому щиту 118 километров, судя по современной карте. Очевидно, подобная картина существовала вплоть до восточного побережья. Однако Норденшельд по аналогии со Шпицбергом рассчитывал обнаружить далее посреди льда пространство некой суши, свободной ото льда, и найти этому объяснение. Чего-либо похожего в отчетах Пири не наблюдается, все его результаты – информация спортсмена, лишь претендующего на роль исследователя. В выступлении 23 апреля в Национальной академии наук в Вашингтоне свои планы он сформулировал так: «Получить практическое знание препятствий и состояния льда внутренней Гренландии; испробовать некоторые методы и детали снаряжения; сделать доступные научные наблюдения; проникнуть внутрь насколько возможно дальше» (Пири, 1906, с. 76).

6 июня 1886 года заслуженный китобоец «Игл» (капитан Артур Джекмен) высадил молодого американца на острове Диско у западного побережья Гренландии, в Годхавне – месте традиционного пребывания губернатора этой датской колонии. По воспоминаниям попутчиков,

весь рейс Пири предпочитал общению созерцание гренландских берегов, оставаясь, впрочем, вполне учтывым.

Из Годхавна Пири перебрался со своим экспедиционным скарбом в эскимосское селение Ритербенк, откуда 23 июня 1886 года в сопровождении помощника мэра этого местечка Майгора и восьми эскимосов выступил в поход: «29 июня наши двое саней... были у края ледникового покрова, на 1956 футов выше уровня моря» (Пири, 1906, с. 47). За три недели Пири в сопровождении Майгора одолел менее 200 километров, по 10 километров за дневной переход. 19 июля на высоте 7525 футов (около 2500 метров) они повернули обратно. Такие результаты по сравнению с результатами предшественников выглядят не слишком впечатляюще. «В 8 часов утра, когда снег отвердел, Майгор и я отправились на восток по ледяному покрову. Когда мы отправлялись, голубой цвет бухты Диско был испещрен местами жемчужно-белым туманом, который вливался через теснины, скользил с гор у устья фиорда и сползал по их восточным откосам перистыми побегими... Немного позже масса черных облаков закрыла солнце, и в полночь туман затянул страну позади нас. В час утра (очевидно, 30 июня. – *Авт.*) он дошел до нас... Мы продвигались вперед, пока туман не изменился в изморозь и не поднялся ветер, когда я остановился на высоте 3000 футов над морем» (Пири, 1906, с. 47).

Оставалось возвращение, описание которого сводится к характеристике погодных условий, причем без конкретных привычных нам показателей температуры, давления, силы ветра и т. п. Туман и осадки в виде крупы вскоре сменились снежным штормом, так что путешественники вынуждены были оставаться на месте в спальных мешках, укрываясь прорезиненными тентами. Так продолжалось до 5 июля, когда оба участника похода, освободившись из-под снега и откопав сани, тронулись дальше на восток по ледяной поверхности, причем Пири на фоне окрестного ландшафта впервые в своем отчете отметил коварство ледниковых трещин. «К северу и востоку от нас поверхность льда была выше и волны, по-видимому, длиннее и более плоские, чем те, через которые мы прошли. К юго-востоку лежал большой ветвистый бассейн Якобсхавнского ледника, простиравшегося к востоку во внутренний лед, выше через центр его, подобно волнам тихого моря, блестели выдающиеся пункты самого ледника. Незадолго до отправления, бродя вблизи саней без лыж и альпийской палки, я провалился в узкую трещину и повис на мгновение, задержавшись своими распростертыми руками, прежде чем выкарабкался, а обломки предательской снежной арки (снежного моста. – *Авт.*) скатывались вниз, в лазурную глубину, до тех пор, пока пробуждаемое ими эхо не сделалось подобным игре серебряных курантов. Наши лыжи

препятствовали повторению такой же случайности во время перехода через сеть трещин, простирившихся к востоку от нашего лагеря. По мере хода вперед они исчезли, и в холоде раннего утра вся поверхность сделалась твердой, непрерывной корой, представляющей великолепный путь» (Пири, 1906, с. 49–50).

Пири также отметил достаточно обильное таяние на ледниковом покрове, нередко создававшее трудности. С учетом полярного дня и низких температур в «ночное» время, когда снеговая поверхность подмерзала, путники использовали ее для продолжения маршрута, отсыпаясь, соответственно, днем. Следует отдать должное Пири и его спутнику: оказавшись в незнакомой обстановке, они быстро усваивали ее особенности, приобретая необходимый опыт буквально на ходу. Однако уже в ближайшее время возможности обоих путешественников оказались исчерпанными, что, надо сказать, Пири заметил вовремя, и он принял правильное решение – возвращаться.

На высоте не только слабело таяние, но и снеговая поверхность уплотнялась настолько, что на ней не оставалось следов ни от подошв обуви, ни от полозьев саней. Из нарезанных блоков такого снега можно было соорудить защитные стенки от ветра, который дул не переставая на протяжении всего похода. С другой стороны, снег так интенсивно отражал солнечные лучи, что глаза страдали от воздействия этого блеска даже во время сна.

«В течение следующих 10 дней мы шли с различными испытаниями вперед, обыкновенно против ветра. Иногда далеко вверху, в синеве, висели неподвижно в высшей степени нежные перистые облака, а потом над горизонтом снова появлялись черные кучевые полосы туч. Раз или два мы были окружены густым туманом, покрывавшим все тонкими молочно-белыми кристаллами льда, и во время одного перехода блестящее полночное солнце наполнило северо-восточную часть неба радужными красками и вызвало соответствующие вспышки света из блестящего снежного поля.

После того как мы достигли высоты 6000 футов, температура упала до 10 и 8,5 градусов Фаренгейта (24 и 23 °С).

Когда мы снова тронулись в путь 15-го, ветер сделался северо-восточным и со снегом. Мы подвигались против него в наглазниках, таща сани, нагнув головы, держа наш путь по ветру, до тех пор, пока опускание саней в мягкий снег и постоянное запутывание наших лыж не принудили нас остановиться и ждать окончания бури на высоте 7525 футов. Слишком утомленные и сонные от нашей борьбы с бурей, чтобы построить хижину, даже если бы мягкий снег позволил это, мы легли у наших саней и заснули.

Когда я проснулся, мы были вполне занесены снегом и лежали здесь 48 часов, в то время как ветер и снег проносились по засыпанному нас сугробу с непрерывным угрюмым ревом. Затем мы выбрались во время затишья и выкопали небольшую мелкую яму, покрыли ее гуттаперчевыми одеялами, откопали наши сани и мешки, нагрузили края одеял санями, сунули под них свои мешки и сами влезли за ними.

Около 5 часов утра в понедельник, 19-го узкая лента голубого кристаллического цвета появилась среди облаков на юго-западе и расширялась и увеличивалась до тех пор, пока не достигла солнца. Затем наступил день, теплый и ясный, почти покойный, давший мне возможность сделать наблюдения и высушить всю нашу одежду. Наш лагерь на высоте 7525 футов (остававшийся на одном месте с 15 июля. – *Авт.*) над морем на расстоянии сотни миль от края внутреннего льда находился в мелком бассейне, наполненном снегом... У нас оставалось на шесть дней запасов, и так как я не был уверен относительно перемен, происшедших в нижней части внутреннего льда во время нашего отсутствия, то решил возвращаться» (Пири, 1906, с. 52–54). Однако едва ли подобное объяснение причин возвращения способно удовлетворить более или менее опытного полярника – дело, очевидно, в другом. Планирование маршрута с самого начала оказалось крайне неудачным, поскольку до намеченной цели – нунатака (скалы) Петерманна – была пройдена лишь пятая часть пути.

На обратном пути, учитывая постоянство стоковых ветров* как по силе, так и направлению, Пири решил воспользоваться парусом. Сани соединили вместе, оборудовав соответствующими такелажом и рангоутом, и этот шаг немало способствовал быстрому спуску по ледниковому покрову.

Пири опасался небезопасных изменений в нижней части ледника, тем более вблизи края ледника, где сказывалось влияние подстилающего рельефа, и не напрасно. «Все выдающиеся черты были теми же самыми, что и три недели тому назад, но эти три недели полярного лета превратили каждый дюйм поверхности в твердый, блестящий, маслянистый голубой лед... Трещины, через которые мы раньше скакали, были теперь непроходимыми пропастями... Жара в долине, даже в этот ранний час, угнетала нас, привыкших к атмосфере внутреннего льда, и, когда мы достигли палатки, я нес почти всю свою одежду...» (Пири, 1906, с. 60)

На этом знакомство Пири с ледниковым покровом Гренландии завершилось. Дальнейшее полуторамесячное бродяжничество по побережью и островам бухты Диско не привело ни к научным открытиям, для

---

* Стоковый ветер – нисходящий ветер, направленный вниз по склону и обусловленный выхолаживанием поверхности склона.